

О. А. Бонч-Осмоловская

К проблеме комплексного изучения конфуцианского текста «Канона песен»

Статья посвящена современным проблемам изучения конфуцианского канонического произведения «Ши цзин» («Канон Песен»). Анализ основных научных методов, ранее применявшихся в ходе исследования этого текста, открывает новые возможности для его дальнейшего изучения. На основании этого анализа в статье предлагаются новые подходы к исследованию классического текста «Ши цзин».

Ключевые слова: «Ши цзин», «Канон песен», «Книга песен», конфуцианство, каноноведение, источниковедение, конфуцианский канон

Olga A. Bonch-Osmolovskaya

Contemporary problems of comprehensive analysis of the «Shi jing» («Canon of Songs»)

The article is devoted to contemporary problems of comprehensive analysis of the «Shi jing» («Canon of Songs»), text of the Confucian canon. Analysis of the basic scientific methods, previously used in the study of this text, opens up new horizons for further studies. On the basis of this analysis, in this paper we propose new approaches to the study of the classical text «Shi jing».

Keywords: Shi jing, Canon of Songs, Book of Songs, Confucianism, canonical studies, source criticism, Confucian canon

«Ши цзин» (ШЦ) – один из классических конфуцианских текстов, входящий в состав канонических сводов «У цзин» («Пятиканоние») и «Ши сань цзин» («Тринадцатиканоние»). Этот памятник включает 305 песенно-поэтических произведений, имеющих различное происхождение: фольклорное, культовое, придворное. Данное собрание представляет собой богатейший источник по истории материальной и духовной культуры Древнего Китая. Вместе с тем уже в эпоху Сражающихся Царств (V–III вв. до н. э.) ШЦ приобрел дополнительную функцию, которая в конфуцианской религиозно-философской традиции постепенно стала основной. Уже в рамках первоначальной школы Конфуция этот поэтический свод стал использоваться в качестве базового образцового текста¹. К концу II в. до н. э. он приобрел статус канонического². В результате конфуцианской экзегезы текст помимо буквального эстетического смысла получил более глубокое метафорическое прочтение. Метафорический уровень понимания текста недоступен без обращения к конфуцианской комментаторской традиции, содержащей соответствующую интерпретацию.

В процессе изучения ШЦ отечественные и западные исследователи делали акцент в первую очередь на литературной составляющей памятника, благодаря чему были получены детальные и научно значимые результаты о текстологических, филологических и эстетических аспектах его функционирования. Однако религиозно-философские интерпретации ШЦ затрагивались в гораздо меньшей степени. Таким образом, для комплексного

изучения этого ценнейшего источника необходимо обратиться к анализу его доктринального, филологического и психотехнического содержания.

Настоящая статья посвящена предварительному анализу совокупности методов, которые, на наш взгляд, могут оказаться полезными в процессе дальнейших исследований ШЦ.

Вначале обратимся к проблеме перевода названия «Ши цзин». В отечественной востоковедной литературе фигурируют различные варианты перевода: «Книга песен», «Канон поэзии», «Канон песнопений». Каждый из этих вариантов перевода имеет свои неоспоримые преимущества.

Семантика иероглифа 詩 (ши) из названия «Ши цзин», включает следующие значения: «стихи», «поэзия», «ши, как жанр стихотворных произведений»³. Проанализируем наиболее архаичное значение данного иероглифического знака. Семантической частью иероглифа в данном случае является детерминатив 言 (янь), имеющий значения «речь», «слово». Второй, фонетической составляющей иероглифа является знак «храм», «присутственное место» 寺 (сы). Таким образом, иероглиф в целом значил: «слова, которые произносятся в храме». Полисемантический иероглиф 詩 (ши) всегда был неразрывно связан с музыкой, танцами и мелодекламацией, исполняемыми в том числе при совершении храмовых ритуальных действий. Это касается всех разделов памятника: песен «Го фэн» («Нравы царств»), од «Сяо я» и «Да я» («Малые оды» и «Великие оды»), и, конечно, храмовых песнопений в третьем разделе «Сун» («Гимны»).

Различные варианты перевода иероглифа 經

(цзин) в названии памятника как «Книги» («Book of Songs», «Book of Odes», «Книга песен»), имеющие место в отечественной и западной востоковедной литературе обусловлены приоритетом литературоведческого и филологического подхода. В то время как не стоит забывать о принадлежности этого памятника именно к конфуцианским канонам. Поэтому, на наш взгляд, лучше предпочесть перевод «Канон», а не «Книга». Исходя из общего характера источника и его способа функционирования в культурной среде наиболее адекватным будет перевод ШЦ именно как «Канон песен».

Длительное время комментарии не только на «Канон песен», но на все конфуцианское наследие в целом, оставались в стороне от магистральной линии каноноведческих исследований как в России, так и на Западе. Действительно, на начальном уровне знакомства с древнекитайскими письменными памятниками необходимо было провести тщательный источниковедческий и лингвистический анализ, который предполагает исключение всех более поздних традиционных интерпретаций. В ходе источниковедческой работы с текстом канона исследователь вынужден отталкиваться от критической установки относительно ценности позднейших комментариев. Показательно мнение академика В. П. Васильева относительно комментариев на текст канона «Весен и Осеней»: «На деле оказывается, что все это утрированная до крайности, натяжка со стороны комментаторов, и „Чуньцю“ не более, как тощая летопись»⁴.

Отход от такого рассмотрения конфуцианских текстов связан с исследованиями акад. В. М. Алексеева и его учеников А. А. Штукина, Ю. К. Щуцкого. В. М. Алексеев настаивал на необходимости применения нового теоретического подхода и методов к переводу и изучению китайских классических и художественных памятников. В частности, новшеством для мировой синологии была его категорическая позиция относительно невозможности исследования текста в отрыве от традиционных комментариев и культурного контекста, который должен изучаться комплексно вместе с рассматриваемым памятником. «Я думаю, в конце концов, что интегральное использование „переводов“ и речей Чжу Си во всех архаичных классиках принесло бы больше пользы, чем неуклюжая дословщина европейских переводчиков, с одной стороны, и их зататанные парафразы – с другой»⁵.

Виртуозный поэтический перевод «Ши цзина» на русский язык, выполненный А. А. Штукиным, строился именно на этих фундаментальных установках⁶. В процессе переложения памятника на русский язык А. А. Штукин отталкивался от мнения конфуцианских комментаторов о смысле отдельных слов и целых песен (в наибольшей степени заметно влияние великого неоконфуцианского мыслителя

Чжу Си (1130–1200)). Впрочем, блестящий перевод Штукина задумывался именно как перевод поэтической антологии, а не одного из базовых канонических текстов конфуцианского философского наследия. Кроме того, А. А. Штукин, в силу обстоятельств, не смог сопроводить свою работу полномасштабным критическим исследованием. Перевод снабжен лишь самыми необходимыми лаконичными комментариями, выборочно поясняющими отдельные слова, культурные реалии и факты истории.

Главные разработки в отечественной и зарубежной научной литературе, посвященной ШЦ, имеют лингвистический, литературоведческий и культурологический характер. Этим фактом обусловлен круг применяемых к ШЦ методов научного исследования.

Общенаучные и исторические методы исследования

А) Один из наиболее универсальных и часто задействованных методов – это **проблемно-тематический анализ** текста, позволяющий типологизировать информацию, предоставляемую текстом, выявить и описать основные проблемы. В качестве примера приведем работу акад. В. П. Васильева, в которой он разделил песни ШЦ по группам на «анакреонтические», «любовные», «хозяйственные», «жалобные» и т. д.⁷ А так же более поздние научные труды Н. Т. Федоренко, в которых встречающиеся в ШЦ литературные мотивы были уточнены и исследованы подробнее⁸.

Б) **Историко-генетический метод** представлен сравнительно немногочисленными работами и case studies о конкретных вопросах датировки и сравнения ШЦ с эпиграфическими источниками. Большое значение для изучения процесса сложения текста ШЦ и разработки этого метода имеют работы В. М. Крюкова, который сопоставил тексты канонов с эпиграфикой времен Западного и Восточного Чжоу⁹.

В) **Культурно-исторический метод** чрезвычайно востребован из-за широты и информативности охватываемого материала. В основе этого метода лежит исследовательская установка о необходимости изучения источника в соотнесении с историческим, социально-политическим и культурным контекстом изучаемого региона¹⁰.

Несколько особняком стоит монография Стивена ван Цоэрена «Poetry and Personality: Reading, Exegesis, and Hermeneutics in Traditional China»¹¹. Это единственное на данный момент исследование, специально посвященное изучению взглядов конфуцианских комментаторов на интерпретацию текста ШЦ.

Литературоведческие и текстологические методы исследования

А) Одним из наиболее распространенных методов литературоведческого анализа является **жанровый метод**. Для него характерно изучение всего многообразия использованных литературных приемов и образов источника¹².

Б) В последние десятилетия в отечественной востоковедной науке все более становятся востребованными формальные методы анализа текста. В трудах В. С. Спирина, А. М. Карапетьянца, А. И. Кобзева, В. В. Лихтман и ряда других ученых последовательно применяется **структурный метод**, опирающийся на количественные критерии анализа внутренней структуры памятника. В этой парадигме выдержан ряд работ, посвященных выявлению в ШЦ пространственных схем и реконструкции древнекитайских пространственных представлений¹³.

Методы лингвистического анализа

Лингвистический анализ ШЦ был систематически проведен еще в работах цинских ученых-канонистов из течения каочжэн¹⁴. Ими было проведено лингвистическое, семантическое, фонологическое исследование. Из современных исследователей необходимо выделить классическую работу шведского сиолога Б. Карлгрена («Glosses on the Book of Odes», 1964), поднявшую изучение лексического состава ШЦ на новый уровень¹⁵. Проблемам языка ШЦ уделяли внимание канадский ученый У. Добсон, а также проф. Уильям Бакстер¹⁶.

Для дальнейшего комплексного изучения ШЦ необходимо не только увеличение количества исследований, но и расширение методологической базы. Рассмотренная совокупность существующих методологических подходов не позволяет адекватно проанализировать все многообразие смысловых уровней, приобретаемых текстом в процессе его ретрансляции и интерпретации в рамках конфуцианской традиции.

Перед тем как определиться с подходом и методологической базой, остановимся на основных, с нашей точки зрения, характеристиках ШЦ. Подчеркнем, что ШЦ – это, в первую очередь, конфуцианский канонический текст, что подразумевает многогранность репрезентации в различных сферах интеллектуальной жизни общества (например, в образовании – текст выступал в качестве базового для прохождения государственных экзаменационных испытаний, в канонистике – текст изучался многими поколениями конфуцианских ученых и мыслителей, в искусстве – ШЦ безусловно занимает место эталона китайской поэзии). В период с II по XIX вв. н. э. на данный памятник было на-

писано порядка 60 традиционных конфуцианских комментариев, субкомментариев и философских эссе. Благодаря этому текст был преобразован в многоуровневую систему символических смыслов. Кроме того ШЦ являлся неотъемлемой частью политической (дипломатической) практики и активно функционировал как составляющая ритуальных священнодействий.

Учитывая эти факты, необходимо заключить, что изучение ШЦ на современном этапе должно носить комплексный характер, которое неизбежно приведет к формулированию новых задач: установлению смысла и структуры текста с учетом его принадлежности к конфуцианскому канону и способов его функционирования в традиционной китайской культуре.

Для осуществления всестороннего анализа канона, помимо бесспорно необходимых исторических методов изучения источника, применительно к ШЦ основными должны стать историко-филологический, функциональный и филологическо-герменевтический анализ текста¹⁷.

Историко-филологический подход делает необходимым изучение текста канона вместе с комментариями. По мнению ведущего отечественного исследователя семиотических систем Ю. М. Лотмана для адекватной передачи информации каноническое произведение нуждается в дополнительной интерпретации¹⁸. Для конфуцианского канона подобные интерпретации могли быть осуществлены только лишь членами традиционного сообщества конфуцианских ученых. Разумеется, «Канон песен» функционировал в культуре и сам по себе, но только в совокупности с корпусом комментаторской литературы он обретает смысловую законченность и целостность.

Историко-филологическое исследование письменного памятника позволяет восстановить систему его символических смыслов, но оставляет за рамками рассмотрения социокультурную динамику функционирования текста. Среди всего спектра возможного применения текста в рамках китайской традиционной культуры необходимо особо выделить три основные функции – политическую, религиозную и, связанную с первыми двумя, образовательную функцию ШЦ.

Данные комплексного анализа ШЦ в завершении предпринятого исследования необходимо обобщить и систематизировать, предоставив полноценное герменевтическое описание изучаемого памятника. В основе герменевтического метода лежит соотнесение отдельных фрагментов текста со смысловым содержанием памятника в целом. Как отдельная фраза (или даже отдельный иероглиф) в песне прочитывается в контексте всей песни, так вся песня представляет собой неотъемлемую часть целого раздела канона, а сам

раздел занимает особое место в ряду других разделов и должен быть осмыслен в контексте всего канонического произведения. Таким образом, все части памятника занимают свое особое место, будучи неразрывно связаны с канонами в целом. И наоборот, канон может и должен быть понят в совокупности всех его составляющих. Однако если остановить анализ на этом, то понимание ограничится восстановлением смыслового содержания текста самого по себе. Герменевтический подход включает в себя и более широкий анализ источника, а именно текст ШЦ должен быть рассмотрен как часть текста более крупного масштаба – метатекста традиционной китайской культуры. Ввиду этого необходимо сопоставить полученные данные о смысловом содержании ШЦ с широким культурным контекстом.

Итак, на основании всего вышеизложенного, становится очевидным, что ШЦ вместе с корпусом посвященной ему комментаторской литературы представляет собой каноническое произведение, которое является результатом развития и функционирования конфуцианской религиозно-философской мысли. Это не позволяет редуцировать проблематику дальнейших исследований ШЦ только до литературоведческих и филологических изысканий, хотя ценность их неоспорима. Учитывая это обстоятельство, необходимо применение историко-философского, функционального и философско-герменевтического анализа текста, которые помогут вскрыть смысловое содержание памятника и предоставить материал для изучения социокультурной роли «Канона песен».

Примечания

¹ В тексте «Луньюй» Конфуций неоднократно рекомендует ШЦ в качестве начального текста для знакомства с конфуцианским учением и практикой самосовершенствования (XVI. 13; XVII. 9). Луньюй цзиши: в 4 т. Пекин, 2008. Т. 4. С. 1168–1169, 1212–1213. Пер. загл. на рус. яз.: Сборный комментарий к «Беседам и суждениям». См. также: Мартынов А. С. Конфуцианство: «Лунь юй»: в 2 т. / пер. А. С. Мартынова. СПб., 2001. Т. 2. С. 332, 336–337.

² Ван Баосюань. Си Хань цзинсюэ юанью. Тайбэй, 2008. С. 14–15. Пер. загл. на рус. яз.: Истоки западноханьского каноноведения.

³ Хань-э цы дянь. Пекин, 2004. С. 809. Пер. загл. на рус. яз.: Китайско-русский словарь.

⁴ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. То же. Переизд. на рус. и кит. яз. СПб.: Ин-т Конфуция в СПбГУ, 2013. С. 60–62.

⁵ Алексеев В. М. Новый метод и стиль переводов на русский язык китайских древних классиков // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 132–133.

⁶ Ши цзин / пер. с кит. А. А. Штукина. М., 1957.

⁷ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880. То же. Переизд. на рус. и кит. яз. СПб., 2013.

⁸ Федоренко Н. Т. «Ши цзин» и его место в китайской литературе. М., 1958; Его же. Древние памятники китайской литературы. М., 1978.

⁹ Ся Чжуаньцай. Ши цзин яньцзю ши гайяо. Тайбэй, 1994. Пер. загл. на рус. яз.: Краткий очерк истории изучения «Канона песен»; Мацумото М. Сикё: сёхэн-но сэйрицу ни кансуру кэнкю. Токио, 1958. Пер. загл. на рус. яз.: Исследование формирования разделов «Ши цзина»; Kern M. The odes in excavated manuscripts // Text and ritual in Early China / ed. Martin Kern. Seattle: Univ. of Washington Press, 2005. P. 149–193; Kern M. Beyond the Mao odes: Shijing reception in Early Medieval China // J. of the Amer. Oriental Society. 2007. Vol. 127. P. 131–142. См., например: Крюков В. М. Неумолимый червь познания: избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М., 2009. С. 101–122.

¹⁰ Например, см.: Сиракава С. Шицзин-дэ шицзе. Тайбэй, 2009. Пер. загл. на рус. яз.: Мир «Ши цзина».

¹¹ Van Zoeren S. Poetry and personality: reading, exegesis, and hermeneutics in traditional China. Stanford: Stanford University Press, 1991.

¹² Например: Друмева Б. Древняя китайская народная песня («Шицзин»): автореф. ... канд. филол. наук. М., 1964; Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1980.

¹³ Лихтман В. В. Пространственно-текстологические структуры «Шаньхай цзина» и «Ши цзина» // Общество и государство в Китае. М., 1987. Ч. 1. С. 48–58; Его же. Трансформация чжоуской и шанской пространственных моделей в «Гимнах Лу» // Там же. 1989. Ч. 2. С. 151–155. Его же. «Ши цзин» как исторический источник для реконструкции пространственных представлений в древнем Китае: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

¹⁴ См., например: Ма Жуйчэнь. Мао ши чжуань цзянь тунши: Чжунхуа шуцзюй. Пекин, 1989. Пер. загл. на рус. яз.: Сводный комментарий на комментарий и субкомментарий к «Песням [в версии] Мао»; Ху Чэнгун. Мао ши хоуцзянь: Хуаншань шушэ. Хэфэй, 1999. Пер. загл. на рус. яз.: Поздний субкомментарий к «Песням [в версии] Мао».

¹⁵ Karlgren B. Glosses on the Book of Odes. Stockholm: The Museum of Far Eastern Antiquities, 1964.

¹⁶ Dobson W. A. C. H. The Language of «The Book of Songs». Toronto: Univ. of Toronto Press, 1968; Dobson W. A. C. H. Linguistic Evidence and the Dating of the Book of Songs // T'oung Pao. 1964. Vol. 51. P. 322–334; Baxter W. H. Zhou and Han phonology in the Shijing // Studies in the Historical Phonology of Asian Languages / ed. by W. G. Boltz, M. C. Shapiro. Amsterdam, 1991. P. 1–34.

¹⁷ Более детально современные проблемы методологии изучения конфуцианских классических текстов рассмотрены в опубликованной в настоящем журнале статье А. С. Рысакова «Проблемы методологии исследования конфуцианского канонического наследия» (с. 55–99).

¹⁸ Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 16–22.